

Мансветов И. Д.

**Слово в день св. апостола и евангелиста
Иоанна Богослова
профессор Иван Данилович Мансветов**

«Возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть» (1Ин. 4:1)

Сын церкви времен Апостольских, или ближайших к ним, слышавший это увещание Апостола, память которого мы ныне празднуем, не мог не признать, что оно особенно благопотребно по обстоятельствам времени. Ибо только что начинающая насаждаться на развалинах древняго мира новая церковь Христова подвержена была напору тлеющих и чуждых ей истинного духа учений. Ныне времена ересей, повидимому, миновали, догматы веры давно разъяснены, определены и утверждены, так что уже не должно бы быть места ни сомнению, ни еретическому толкованию. И однако и ныне церковь не перестает повторять нам апостольское увещание – быть осторожными, и ныне не перестает напоминать нам об испытании духов, от Бога ли они. И это – не без причины.

Если справедлива мысль, а она несомненно справедлива, – что слово Божие в целом и частях не есть выражение какого-либо духа времени, но представляет сокровище Богооткровенных истин и правил жизни для всякого времени; то уже потому самому мы не можем отрицать применительности слов Апостола и к настоящему времени. Еоли же мы попытаемся приподнять блестящую личину времени, и взглянуть, что за нею скрывается; то увидим, что ныне настоятельная нужда велит повторять во уши верных предостережение от покорного последования направлению и духу времени.

Наш век гордится мудростию, хвалится независимостию мысли, свободою исследований, – и не без основания. Современная мысль работает усиленно и быстро. Не желая успокоиться на дознанном, она идет и идет неутомимо к расширению области знания, – к отысканию чего-то неизвестного, к открытию неведомого. Жажда нового, погоня за чем-то неведомым, восторженное увлечение открытиями, готовность бросить, отвергнуть все, что не носит на себе печати новизны – все это становится знаменем времени. Внешняя черты современного

направления так привлекательны, так благовидны, что неискушенный в вере легко может принять его за ангела света, за истинный дух учения Христова. В самом деле, можно ли быть холодным зрителем неусыпной деятельности, которая кипит у нас повсюду? Можно ли не сочувствовать пламенной любви к просвещению, одушевляющей современное человечество, а особенно молодое поколение? Можно ли не радоваться этому могуществу мысли, преобладающей трудности, по-видимому, неодолимая и поведавшей миру свои немалочисленные приобретения? Но удержимся от преждевременной похвалы, погодим читать хвалебное слово веку; – посмотрим, в чем изоблится век сам себя!

Блестящие стремления современного общества не суть ли большею частью личина, под которою скрывается далеко не светлый дух времени? В самом деле, следует поглубже вникнуть в этот бродящий круговорот мысли, чтобы заметить, что носителем всего является здесь естественный разум человека. Горделиво идет он, вооруженный тремя сильными орудиями современной мысли – опытом, наблюдением и наведением, – беспощадно гнувшими под свой гнет все, встречающееся на пути; но куда и как идет он? Какую область эти орудия покоряют власти его? – Устремляется он исключительно в одну сторону – в сторону внешнего бытия, – мира явлений. Злоупотребляя дарованной ему человеком свободой мысли, стремительно бросается он в эту исключительно область и не хочет знать меры в этом стремлении. Апостол, желая удержать в должных границах естественное мудрствование человека, советует не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать в целомудрии (Рим. 12, 3.). А современный разум, не внимая сему совету, в своем мудрствовании зашел гораздо далее того, чем сколько ему подобает мудрствовать. Смелые задачи, иногда разрешаемые, – уверенность в достаточности своих сил для выполнения их вводят его в странное самообольщение, в силу которого он пытается все измерить, взвесить, разложить, осязать. Гордящийся своими успехами, настойчиво возстает он против всякого авторитета, не хочет преклониться пред чем-либо, не хочет ничего оставить, что не поддавалось бы его власти: – всему желает навязать собственный авторитет, – авторитет, выставляемый под знаменем свободной мысли. И какая цель всего? – Все сломать, все перестроить по-своему, создать свою науку, открыть новые, неведомые пути мысли и знанию. И вот, громко провозглашается победный клич современной мудрости, водружается победное знамя нового знания с надписью: «истинно только то, что не противоречит убеждениям разума»! – знамя достойное борьбы, которою завоевано. Но не радость, не торжество, а

скорбь и горечь вызывают эти громадные задачи, эти смелые цели, невыполнимые предназначения. Что будет, если естественный разум с такими же целями, с такими же приемами подойдет к исследованию тех сфер знания, где мысль бессильна, где разум должен смирить себя перед недоступным-неразрешимым для него? Что будет, если и сфера религиозной веры, которой должен быть послушен разум, испытает его всеокрушающее действие? Одно из двух: или он должен отказаться от мнимых прав на само-законие в пользу авторитета положительного Откровения и Веры;—но это было бы противоречием себе, самоуничтожением, на языке разума, род духовного самоубийства; — или разум должен отнестись отрицательно к сфере непостижимого,— этот способ легче и решительнее для того, чтобы избавиться от последней, не покоряющейся ему области знания. На него-то решается разум. Религия, истины положительного Откровения-словом все, что составляет предмет Веры оказывается перед оценкою разума несогласным с его убеждениями, и потому не истинным. Между тем, если бы только разум желал следовать этому Откровению, то нашел бы в нем то, чего так усиленно ищет. Он ищет свободы мысли, и Откровение возвещает слово Воплощенной Истины, Которая засвидетельствовала о своем учении; аще вы пребудете в словеси моем, уразумеете истину, и истина свободит вы (Иоанн. 8, 31). Какой это великий, необъятный, неисчерпаемый круг знания! Не о тесноте его возникает мысль, а о неизмеримости. Познание и изучение этой мудрости имеет свое высшее достоинство и вознаграждает труд сторицею. Цель ее — высшее Боговедение, исповеданное Единородным Сыном Божиим (Иоанн. 1, 18.), давшим человеку свет и разум для сего познания (1 Иоанн. 5, 20), недоступного человеку самому по себе. Сравнится ли мудрость сынов земли, земнородных, так-называемая, мудрость естественная с этою Божественною мудростию в высоте и глубине предмета мудрствования, в качестве познания, достоинстве, цели, и во всех других свойствах, приличных мудрствованию? А современный разум, проповедующий свободу мышления, не восхотел идти по пути этой обширной мудрости, а в хаотическом ослеплении нашел здесь не мудрость, а безумие. Но не напоминает ли он сам с самозданною мудростию нового времени старое безумие, о котором говорил Апостол: глаголющися быти мудри обьяуродеша (Рим. 1, 22.)? Да слышит современный мыслитель, поклоняющийся естественным силам одного разума и его авторитету,—да слышит и спросит свое сознание: не его ли обличает сей голос Апостола, не его ли — открыто заявляющего о своей мудрости в области естественной, доступной ему, и обьяуродевшего, — в

акт отрицания, так сказать, бессознательно сознающего в своем неведении области сверхъестественной религиозной; не его лигоняющегося за свободу мысли и произвольно отвергающего истинный путь к ней?... Эти неосуществимые задачи его-построить столп учености, невиданный, колоссальный и тем увековечить имя себе-не напоминают ли давнее сверхсильное желание-создать град и столп, его же верх будет даже до небесе,-с тщеславною целию- сотворим себе имя (Быт. 11, 4.),-это безумие древних столпотворителей Вавилонских,- безумие, завершившееся смешением языков,-понятий и разсеянием строителей по лицу земли? Что, если та же участь постигнет и безумие мудрости нового времени?!.. Итак, вот те следствия, к каким приходит естественный разум, руководящийся одними своими собственными началами. Если так, и если наш век хвалится свободою мысли, силою разума, отрицая авторитет Веры; то едва ли мы погрешим, сказавши, что это дух, иже не от Бога; а против этого-то духа и направлено увещательное слово Апостола: не всякому духу веруйте, но искушайте духи.

Если направление нашего века по самому началу своему вызывает необходимость предостережения- испытывать духи; то тем более побуждает к этому действительность.

Разум человеческий, какого бы развития он ни достигал, не может сам собою, своими собственными силами познать высочайших истин и тайн ума Божественного. История всех времен и народов доказала эту несомненную истину, – оправдывается она и в наш просвещенный век, возглавивший естественную мудрость. Естественная мудрость, верная своим началам, оказывается верною им и в последствиях. Естественный разум, не знающий ничего помимо вещей чувственных, не отыскал и никаких начал помимо начал, имеющих чувственный характер. В самом деле, если мы присмотримся ближе к учению нынешних просветителей и вникнем в направление превозносящегося образованием общества; то не трудно увидеть, что господствующий дух нашего времени и общества есть именно дух бездушного материализма. Убийственно для верующего сердца грубое учение материалистов, безотрадны его безбожные понятия для ума, озаренного светом Божественного учения, и, смотря на него, трудно предположить, чтоб оно нашло себе какой-либо отклик, какое-либо сочувствие в обществах христианских. А между тем в нашем, хотя и христианском обществе, оно находит себе не только сочувствие, но и усердное поклонение, жаркую защиту,-жаркую до самопожертвования. Явление крайне печальное по своим следствиям. Остановимся на них. Первое и самое главное следствие, происшедшее из этого направления,-это

разъединение знания и религии, разъединение, неблагоприятно отозвавшееся на самой жизни.

Мысль верная сама по себе, что знание должно тяготеть к религии, что наука и религия должны идти рука об руку, одна другую оправдывать-служит материализму благовидным предлогом для того, чтоб из их взаимного тяготения, при неудавшемся объединении, вывести заключение в пользу их разъединения. Строит он свои предположения, делает наведения и выводы, выдавая их за выводы точных наук. С скрытою мыслию врага, под видом защитника, приступает он к сравнению выводов своих с положительными истинами Откровения, заручившись мыслию, что в силу тяготения здесь должно быть взаимное соглашение; но под этим «должно» уже скрывается задняя мысль о невозможности полного соглашения, – что собственно нужно для его цели. Итак, при случае разногласия, чему у него приписывается истинность: выводам ли точных наук, или-положительному Откровению?-Выводам точных наук, а богооткровенныя истины относятся к разряду неоправдываемых наукою, и потому ложных. Наука с своим характером подвижности, изменчивости является критерием истин положительных. Откровение, поведавшее миру свое непреложное слово, которое наука может уразумевать только отчасти, – это Откровение поверяется свободою личной мысли Произведение ума Божественного слышит себе приговор от ума человеческого. Истинность положительного приносится в жертву текучему, изменчивому, непостоянному. И вот является разъединение науки и религии, мудрости естественной и мудрости христианской Что же мы скажем при виде сего? Есть ли это явление признак здорового развития научного сознания? Или, не свидетельствует ли оно о недостатке разумного понимания задач науки и жизни в жару увлечения и самозабвения? История науки показывает нам, что истинное знание всегда тяготело к Богонасажденной религии, всегда было неразлучно с развитием религиозного сознания, и чем далее восходим, тем крепче и сильнее замечается эта связь. Но если так было в древнем мире, то тем более так должно быть теперь, когда мир озарил свет Евангельской истины, когда истина Христова, положительная, Откровенная поведена всем, когда в ней имеют верного, надежного руководителя стремления и жажда человека к знанию. Стало-быть, не необходимее ли теперь единство их? Не более ли теперь оснований для подчинения мысли и разума свету Веры? – Здесь заключается основание истинности науки, здесь кроется залог ея благотворности и ея общественного значения. А после этого, что мы скажем, видя, как наука стремится и у нас идти в разлад с положительным

Откровением. Какой суд произнесем? Не мы произнесем, но – история и опыт. Многовековой опыт указывает нам на действительные факты, что где мысль стремилась незаконно отрешиться от религии, там горькие последствия ее произвольной независимости тяжело отзывались на всех отраслях развития и целые нации содрагались, пожиная губительные плоды, возросшие на почве так-называемой, свободы мысли. Посмотрите хотя на некоторые явления в нашей общественной жизни, много ли отрадного, успокоительного для верующего сердца представляет она?-"Век современный, – век практический», говорят люди, нынешняго времени. В этих кратких словах, в которых хотят видеть лучшую похвалу времени, высказывается многое, только не в пользу времени. Временная польза и благо житейское-вот по современным понятиям главная цель, к которой должен стремиться человек, и закон, которым он должен руководствоваться в своей жизни и деятельности. В силу такого закона и цели достоинство каждой вещи оценивается и измеряется меркою житейской пользы, насколько она служит временным выгодам человека, настолько возвышается и ее ценность. В виду действительных примеров мы можем сказать смелое слово, что ныне и умственную духовную деятельность умеют заставить служить пользам житейского быта; даже наука, имеющая характер чисто созерцательный и долженствующая сама в себе носить цель, часто обращается в средство для достижения иных целей, от которых веет не совсем безкорыстным духом. На основании всего этого и многозначительныя слова Спасителя: ищите прежде царствия Божия и правды Его и сия вся (то есть временныя блага) приложатся вам (Матф. 6, 33) утратили у людей настоящего века свое практическое значение. Большинство людей этого века склонно искать прежде временных благ, оставляя до последующего искание царства Божия.... Иде же бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Матф. 6, 21.) сказал некогда Небесный Учитель. Современный деятель нашел себе сокровище в пользе и благе житейском,-тут же остановилось и его сердце. Прикованное к интересам временным, нашедшее здесь драгоценности свои, естественно может ли оно возвышаться к чему-либо духовному? Взойдет ли на горизонт его какая-либо светлая мысль о наслаждениях высших – вечных? – Нет. Тем более, оно не видит сокровищ для себя,-зачем же и стремиться туда? Теперь не вера воодушевляет его, но множество приобретений; не от страха Божия трепещет оно, но от страха-или потерять приобретенное, или не иметь удачи в благоустроении своего житейского быта. О любви и каких-либо других обязанностях в отношении к Высочайшему Живому Богу здесь не слышно и речи; потому что

невозможно совмещение таких двух противоположностей, как жажды к материальной пользе и безкорыстной святой любви к Богу, -желания временных благ и стремления к вечному блаженству. Правда такие люди иногда с особенным жаром и одушевлением говорят о святости нравственных убеждений, о нравственном долге, о добродетели, об обязанностях каждого в отношении в Высшему Существо; но немного нужно наблюдательности, чтобы заметить в этом добром духе духа лестна, привлекательную наружностью обольщающего неопытных Все эти возгласы видимого благочестия суть возгласы самолюбия и слепого самообольщения. На самом деле если сердце человека чуждо живой веры в Бога, в бессмертие души и в будущую жизнь, где каждый, еже аще сотворит благое, сие примет от Бога (Ефес. 6, 8.); то, очевидно, ему ничего другого не остается делать, как только пещись о своем теле, о своих временных интересах и удовлетворять своим плотским страстям: ямы и пиемы, утре бо умрем, говорили когда-то люди, не веровавшие в будущую жизнь. Не тоже ли самое повторяется и у нас, хотя в другом, иначе обставленном виде?

В иных странах ныне начинают учить: «небытие лучше, чем бытие и потому уничтожение бытия, прекращение жизни – будет ли оно постепенное или мгновенное, лучше и похвальнее, чем существование при настоящем господстве физического и нравственного зла, при разстройстве природы» и т. п. Таков грустный, невыносимо тяжкий исход материализма, подорвавшего в известных кружках общества религиозныя начала, веру в Живого Бога, надежду, любовь и т. п. Слышится в этом исходе, уловимый только верующим чувством, вопль безотрадного сердца, брошенного в хаос мировых явлений, не видящего ни возможности, ни сил высвободиться из этого вращения вещества, – вращения, навевающего на него скорбь, тесноту, всюду представляющего мрак и мрак, и ни единой светлой точки, ни единого луча надежды на лучшее, хоть сколько-нибудь отрадное.

Не отголосок ли этих учений – одно поразительное, чаще и чаще повторяющееся и у нас явление-это случаи самоубийства, совершающиеся преимущественно в молодом поколении. Что значит и откуда происходит это насильственное прекращение цветущей жизни, эта противоестественная гибель молодых сил. Где-то начало, из которого оно происходит? Не всегда может успокоиваться сердце и ум теми причинами, какия обыкновенно предлагаются в подобных случаях, то есть умопомешательство, ненормальное состояние мозга и т. п. Эти причины только отсылают к отысканию дальнейших, более глубоких и

основательных. Где же нужно искать их? Мы склонны видеть их в отсутствии религиозного сознания и чувства, вытесненных враждебным им материализмом, заправляющим после них всеми действиями человека. Естественная жизнь среди господства физического зла и несовершенств, подверженная невзгодам, постоянно льстящая чем-то человеку и разрушающая лучшие его надежды,— эта жизнь на самом деле едва ли может доставить человеку какую-либо отраду и успокоение. Как бы спасительный челн среди жестокой бури дал Создатель на помощь ему религию. И только одна она способна остановить его от крайнего отчаяния, — только она может осветить тернистый путь настоящей жизни. Но как отнесется к этой жизни тот, у кого религия давно оставила душу, кто, воспитанный в материализме, смотрит на жизнь только как на случай, вызвавший его к бытию, которое здесь же должно прекратиться?— Сознание беспомощности своего положения при всякой неудаче, страх видеть разбитыми заветные свои думы и надежды, при представлении слишком неотрадной конечной цели своего бытия, какой научил его материализм, отсутствие мысли о продолжении бытия за пределами настоящей жизни, о награде и наказании там, если к этому присоединим еще неустойчивость, по причин молодости, физических и нравственных сил, — все это в совокупности действительно может быть побуждением при случае сказать в своем сердце: «лучше скорее кончить борьбу, чем, живя страдать; все одно-лучшего не дождемся.» И помышления сердца заканчиваются нигде невидимым в живой природе насилием, свойственным только извращенной воле человека, забывшего Бога и себя. Таким образом эти несчастные жертвы страшной смерти, преждевременно загубившие цвет сил и надежд, суть возвратная дань, отплата обществу за воспитание им молодого поколения в материализме интересов и атеизме сердца.

Есть утешительная, чисто-нравственная, повидимому, черта, которая просвечивает в учении современной мудрости—это любовь к ближним, а на языке современном «гуманность.» Но напрасно наш век присволяет себе изобретение этой добродетели. Корень ее лежит в самой природе нашей души, и она предписана гораздо ранее нашего времени, именно законом Иисуса Христа. Нашему веку принадлежит не изобретение ее, а скорее перетолкование. Следует только поглубже вникнуть в современную гуманность, и мы услышим здесь голос не безкорыстной любви к ближним, а прежде всего сознание каждым своего личного нрава и желание упрочить и обезопасить это право. Истинно христианской любви чужда она. Современный человеколюбец едва ли когда-либо приложит к

сердцу слова Спасителя: аще кто ударит тя в ланиту, подставь ему другую (Матф. 5, 39.), тогда как любовь, которая не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, но вся терпит (1Кор. 13, 5. 7.), не замедлила бы исполнить и это. Вообще насколько искренна и чиста проповедуемая ныне гуманность, видно из тех мрачных сторон общества, развивающихся наряду с развитием гуманных учений-это страшное нищенство. Таким образом даже и там, где хотелось видеть христианския начала и свойства, – и там проглядывают свойства, заимствованныя из господствующего духа времени.

Мы дерзнули приподнять завесу времени,-именно нашего времени, которому щедрою рукой разсыплются громкия похвалы, как веку высокопросвещенному. Мы видели, что эта завеса представляет для поверхностного взора внешния привлекательныя черты; между тем скрывает за собою такія явления, которыя слишком мрачным цветом окрашивают картину этого времени. Если же все это есть горькое последствие господствующаго направления века,-если таков плод духа времени; то что же сказать о духе? От плод их познаете их (Матф. 7, 20.) сказал Спаситель о лжеучителях. Познаем и мы духа своего времени от плодов его. Плоды его горьки и губительны. Имея в виду этот-то господствующий дух века, мы вправе сказать, что и в настоящее время не только уместно, но даже настоятельно необходимо помнить и прилагать к делу это мудрое предостережение, сказанное некогда Апостолом: возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть (1 Иоанн. 4, 1). Аминь.

Студент Иван Мансветов

Содержание

Мансветов И. Д. Слово в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова профессор Иван Данилович Мансветов	1
---	---